

ЭДУАРД ФУКС

ИСТОРИЯ НРАВОВ
Эпоха Ренессанса

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 17(091)
ББК 87.7
Ф94

EDUARD FUCHS
Illustrierte Sittengeschichte
vom Mittelalter bis zur Gegenwart
Renaissance

Перевел с немецкого В. М. Фриче

Фукс Э.

Ф94 История нравов : Эпоха Ренессанса / Эдуард Фукс ; [пер. с нем. В. М. Фриче]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 395 с. : ил. — (Серия «История нравов»).

Раскрыв значение нравственности как одного из важнейших критериев каждого этапа человеческой истории, в этой книге Эдуард Фукс погружается в исследование общества эпохи Ренессанса, предвестника современного мира, когда на обломках средневековых предрассудков рождалась новая мораль, в которой романтический культ рыцарства соседствовал с самыми откровенными проявлениями чувственности.

УДК 17(091)
ББК 87.7

ISBN 978-5-517-02236-3

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нравственное поведение, нравственные воззрения и постановления, нормирующие и санкционирующие половую жизнь каждой эпохи, являются самыми характерными и яркими выразителями духа этой эпохи. Сущность каждого исторического периода, каждого народа и каждого класса отражается в них нагляднее всего. В своих тысячах излучений половая жизнь вскрывает нам не только важный закон, но и вообще основной закон жизни. В нравственном поведении и в нравственных установлениях и воззрениях облекается в осязательную форму основная функция жизни. Нет ни одной формы и ни одного жизненного проявления, которые не получали бы направления или по меньшей мере известной окраски от полового базиса жизни. Вся общественная и частная жизнь людей и народов насыщена и напоена половыми тенденциями и интересами. Они — вечная и неисчерпаемая проблема и программа, которые никогда не снимаются с очереди в существовании индивидуума и общества.

Однако каждая эпоха — и это самое важное — облекает эти переживания в иные формы и постоянно пересматривает и направляет свои установления. В тысяче разнообразных оттенков протекала половая жизнь людей, понимаемая то как еле осознанная стихийная сила, как чисто животное чувство, то, напротив, провозглашаемая как дивная тайна бытия и высшая точка творческого проявления, то низводимая до уровня нескончаемой скабрезной выходки, причем каждое слово и каждый жест были отданы на служение чувственной оргии.

Вот почему история половой нравственности на различных ступенях культурного развития вместе с тем одна из главных составных частей истории человечества. Выражаясь более точно, это значит: история половой нравственности охватывает наиболее важные стороны общественного бытия людей, следовательно, историю законной и незаконной любви (брак, супружескую верность, целомудрие, прелюбодеяние, проституцию), историю чрезвычайно разнообразных форм взаимного ухода в целях и в интересах осуществления половой потребности, обычаев и нравов, в виде которых они кристаллизовались, представлений о красоте, радости, наслаждении и способов выражения чувства (язык, философию, право и т. д.), а также, конечно, идеологическое освящение половой жизни посредством искусства, к которому то и дело приводила эта половая жизнь.

Так как история половой нравственности представляет самую важную часть истории человечества, то и богатство свидетельствующих о ней документов в каждой стране неисчерпаемо. К тому же в них мы имеем самое величавое и блестящее, самое утонченное и безобразное, самое нелепое и тривиальное, что когда-либо измыслил и создал дух человека. В них одинаково обнаруживаются его самые смелые мысли, его самые вдохновенные настроения и — самые печальные заблуждения.

Несмотря на такое фундаментальное значение истории нравов, специально трактующей о половой нравственности, для человека, стремящегося к историческому познанию прошлого, несмотря на богатство источников, находящихся к услугам исследователя, история половой нравственности, однако, область, которой пока еще пренебрегают современные историки. В немецкой научной литературе значительные труды существуют разве только о нравах Древнего Рима. Нет ни одной истории нравов, которая рассматривала и обосновала бы разнообразные видоизменения, происшедшие в воззрениях и нормах половой нравственности, начиная с исходящего Средневековья. У нас имеются только собрания материалов и несколько небольших сжатых монографий, посвященных отдельным специальным вопросам, странам и эпохам. Вот и все.

Но и это небольшое не имеет никакого значения, так как среди этих работ нет ни одной, которая покоилась бы на современных научных предпосылках.

Моя работа должна до известной степени заполнить этот пробел. Хотя она рассчитана на три тома, я прекрасно знаю, что она представит лишь незначительную частицу. Заполнить этот пробел настоящим образом могло бы только гигантское предприятие, к услугам которого находилась бы армия специалистов, гигантское предприятие, которое создало бы целую библиотеку. К сожалению, таких специалистов еще не существует. А те немногие, которые имеются, совершенно не понимают внутреннюю связь исторических явлений.

В такой истории половой нравственности сосредоточено, как сказано, и самое высокое, и самое низкое. В силу необходимости она, однако, будет, если угодно, скорее историей безнравственности.

Это так понятно, потому что то, что считается в каждую эпоху «нравственным», заключается преимущественно в том, чего не делают, т. е. в том, что не поддается изображению, тогда как безнравственность обнаруживается в известных поступках, т. е. в том, что можно изобразить.

Или выражаясь парадоксально: в истории половой нравственности отрицательное часто является единственно положительным. История нравов, стремящаяся изобразить и исчерпывающим образом обосновать все проблемы половой нравственности, не смущаясь мелочными и трусливыми соображениями, конечно, не чтение для школьников и школьниц, но ведь такие качества и не свойственны серьезным научным исследованиям.

Те документы из находящегося в моем распоряжении богатого материала, которые не годятся для широкой публики или слишком перегрузили бы изложение, представляя вместе с тем научную ценность, я потом издам в отдельном томе, который доставит ученым и собирателям необходимые дополнения.

В заключение я должен заметить еще следующее.

Имя мое в литературе тесно связано с историей карикатуры. Многие из моих читателей вообразят, быть может, что я со

своим новым трудом перехожу в новую для меня область. Такое мнение было бы неправильным. Я считаю свои работы по истории карикатуры далеко не законченными, но и теперь я отнюдь не уклоняюсь от своего пути. Вся моя научная деятельность была неизменно направлена на историю культуры. Своими трудами я хотел осветить историческое развитие общества. На этом пути мне встретилась карикатура. Когда для меня стало ясно, что она позволит мне понять и уяснить себе события и лица с такой отчетливостью, как никакой иной документ, во мне проснулось желание изъять карикатуры из безмолвных папок, где они в продолжение столетий покоились неоцененные и потому игнорируемые. По мере того как богаче становились результаты накапливавшегося материала и по мере того как во мне крепло убеждение, что карикатура — важное подсобное средство исторической реконструкции, родилась во мне честолюбивая мысль написать историю этих своеобразных документов духа времени.

Относясь к карикатуре как историк культуры, усматривая в ней самый правдивый источник ознакомления с нравами, событиями и личностями прошлого и настоящего, я всегда сознательно касался художественной стороны вопроса лишь на втором плане. Не потому, чтобы я игнорировал важность этой стороны дела. Напротив, я ни на минуту не терял ее из вида. Именно потому, что я прекрасно понимаю важное значение этого вопроса, я всегда считал его специальной задачей эстетов. Я же не специалист по эстетике.

Издавая ныне свою «Историю нравов», я отнюдь, повторяю, не уклоняюсь. Я не изменяю своей главной страсти, карикатуре, как не изменял я и моим культурно-историческим интересам, когда задался целью написать историю карикатуры.

Мои труды по истории карикатуры и моя «История нравов» лежат в той же самой плоскости, вращаются в том же круге идей.

Эдуард Фукс
Берлин — Целендорф,
весна 1909 года

ВСТУПЛЕНИЕ

Главная задача истории нравов — показать, как люди когда-то жили, реконструировать прошлое путем планомерного сочетания характерных для каждой эпохи фактов. Чем обязательнее и пластичнее предстанет это прошлое перед читателем, тем лучше решена задача. Это одинаково приложимо как к работе, охватывающей всю область нравов, так и к работе, затрагивающей, подобно нашей, только часть ее — область половой морали.

Реконструировать прошлое — такова цель нашего исследования.

Усматривая в этом свою главную задачу, историк нравов никогда не должен, однако, прилагать к этому прошлому определенный нравственный критерий. Первый вывод, к которому исследователь приходит в своей работе, заключается в том, что нет в истории вечных, абсолютных масштабов, что эти последние, напротив, находятся в процессе постоянного видоизменения. Можно поэтому всегда говорить только об относительной нравственности или безнравственности... Абсолютной безнравственностью является разве только нарушение социальных инстинктов общества, нарушение, так сказать, законов природы. Нет такого нравственного закона, который независимо от пространства и времени регулировал бы наши поступки в пространстве и времени.

Если это верно относительно всего комплекса морали, то еще в большей степени — относительно специально половой

морали. Ибо последняя принадлежит к наиболее изменчивым областям морали и в самом деле чаще всего и легче всего меняется. Так как вторым выводом, к которому исследователь приходит во время своей работы, является то наблюдение, что эта постоянная изменяемость общих нравственных воззрений подчинена определенным законам, то каждое столетие, естественно, требует иных моральных масштабов. Было бы поэтому наивно и нелепо прилагать к прошлому современные критерии. Только невежды и глупцы могут застывшее и затвердевшее оценивать тем же масштабом, как и текущее, изменчивое, хотя, правда, число таких людей, не умеющих исторически мыслить, ныне в науке так же велико, как и прежде.

Надо еще заметить следующее: кто ссылается на «вечные общеобязательные нравственные нормы», покоящиеся вне времени и пространства, «врожденные природе человека», может только или прославлять, или порицать и никогда не познает вещи и людей в их историческом бытии. Отрицание вечной, неизменной нравственной идеи является, таким образом, необходимой предпосылкой правильного, т. е. научного, познания явлений прошлого, в данном случае — области нравов.

Непризнание общеобязательных нравственных масштабов, само собою, не то же самое, что отрицание моральных двигательных факторов в истории. Действие последних мы вполне признаем. Как это ни самоочевидно, приходится постоянно это подчеркивать, так как люди, объясняющие историю действием вечных нравственных законов, всегда приписывают противникам их точки зрения подобный взгляд, впрочем, с большей ловкостью, чем логикой. Не менее понятно и то, что наше отношение к вещам не приводит непременно к оправданию всех явлений прошлого, еще менее к их апологии, — взгляд, который так же часто и так же неосновательно приписывается исследователям, стоящим на нашей точке зрения. Непризнание неизменной нравственной идеи как вечного мирового закона, обязательного для всех людей, классов, народов и времен, — не только метод, но и необходимая предпосылка, позволяющая познать вещи, «добро и зло» в их исторической обусловленности. Вскрывая эту обусловленность, категорическую неизбеж-